

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 840-849.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.840
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Ethno-Economics of the Kazakhs of the Steppe Region in the Modernization Plans of the Russian Empire (second half of the XIX – beginning of the XX century)

Yuliya A. Lysenko ^{a, b, c, *}

^aAltai State University, Russian Federation

^bCherkas Global University (International Network Center for Fundamental and Applied Research), Washington, USA

^cVolgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the policy of the Russian Empire in relation to the traditional economy of the Kazakhs of the Steppe region in the 80s years of XIX – the beginning of XX century. It is marked that bourgeois transformations accompanied by mass relocation of peasants to the Steppe region and creation of commodity agricultural economies demanded considerable land resources. Therefore, the mass settlement was seen as the main mechanism of transformation of the Kazakh nomadic farms. The transition of nomads to agriculture was seen as a natural and progressive process. During numerous interdepartmental discussions at the turn of the nineteenth and twentieth centuries, an opinion was established that the settling should be carried out naturally, under the influence of new objective economic conditions caused by mass migration of peasants and withdrawal of pasture lands from the Kazakhs for land resettlement of migrants. Thus, the expediency of increasing the scale of resettlement flows to the Steppe region was recognized.

The regional administration, as a whole, recognizing the regularity of transition of Kazakhs to a settled way of life, called to refuse mass settling of nomads and mass spreading of agriculture among already settled ones, mainly because of the limited land resources coming for farming. Therefore, the regional officials connected sedentarization with intensification of cattle breeding and development of an industry for processing livestock products in the region. The mass settling of Kazakhs in the beginning of XX centuries, reorientation of their farms on the market with application of various agricultural tools, gave reasons to believe that the chosen course on sedentarization turned out to be correct.

Keywords: Russian Empire, Steppe region, Kazakhs, ethno-economics, settling, modernization.

1. Введение

Завершение присоединения Степного края к Российской империи в 60-е гг. XIX в. совпало с началом буржуазных реформ, отменой крепостного права и массовым переселением крестьян из европейской в азиатскую часть страны. По Временному положению об управлении Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областями 1868 г. все природные ресурсы были объявлены государственной собственностью, а земли переданы казахам в безвозмездное пользование. В то же время ряд статей Положения открывал возможности для массовой экспроприации пастбищных угодий у кочевников с целью создания Переселенческого земельного фонда и землеустройства переселенцев (Артукбаев, 1993).

Высокие темпы крестьянской колонизации Степного края на рубеже XIX–XX вв. актуализировали вопрос о судьбе традиционного казахского кочевого хозяйства, его месте в процессе капиталистического развития региона и механизмах включения в общеимперскую экономику. Анализ межведомственных дискуссий и законодательства по данному вопросу рубежа XIX–XX вв.

* Corresponding author

E-mail addresses: iulia_199674@mail.ru (Yu.A. Lysenko)

позволяет утверждать, что в новых экономических реалиях единственный вариант развития кочевых хозяйств виделся в их оседании и переходе к земледельческому труду. В связи с этим в правительственных кругах активно обсуждались меры, которые могли бы простимулировать данный процесс. Сокращение объемов пастбищного землепользования должно было освобождать земельные ресурсы для крестьянского переселения.

Идея седентаризации кочевников была не нова. Еще на начальном этапе включения Степного края в состав Российской империи, с 30-х гг. XVIII в., процесс оседания оценивался как необходимость обращения казахов «к лучшему человеческому житию» и как неизбежный результат естественной эволюции казахского кочевого общества под воздействием более прогрессивной российской земледельческой цивилизации (Быков, 2003: 28). Конкретные шаги в реализации данного курса выражались в снабжении ханов Младшего и Среднего жузов «пшеничной мукой и крупами» для «приучения к новой пище», строительстве «дворов для зимования скота» и стационарных домов, заготовке «на казенный счет сена для продовольствия скота» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 6. Л. 6-9об.).

В начале XIX в. правительство продолжило реализацию мер, поощряющих оседание казахов, например, причислять осевших к русским поселениям пограничных укрепленных линий, наделять земельным наделом, выдавать пособие на обзаведение хозяйством, освобождать от выплат налогов и рекрутства (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 6. Л. 11об.-12). Однако к середине XIX в. пришлось констатировать, что все стимулирующие к оседанию меры не давали ожидаемого эффекта. Хлебопашество «слабо перенималось» кочевниками, казахи-земледельцы составляли «самое редкое исключение». Осевших, как правило, представляли беднейшие слои казахской пастбищно-кочевой общины – джатаки, которые при первой возможности вновь возвращались к кочевому образу жизни (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 6. Л. 17 об.-18).

Кризис государственной политики седентаризации совпал по времени с модернизацией центральноазиатских окраин и набиравшей темпы аграрной крестьянской колонизацией и формированием товарных зерновых хозяйств. Это актуализировало в 80–90-е гг. XIX в. «киргизский вопрос», представлявший правительственную дискуссию о судьбе традиционного хозяйства казахо-кочевников в новых социально-экономических реалиях и новых механизмах стимулирования процесса их оседания.

2. Материалы и методы

Источниками для подготовки статьи выступили материалы делопроизводства центральных и региональных органов государственной власти – МВД, Министерства земледелия и государственных имуществ, Комитета сибирский железной дороги, областных управлений Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской и Уральской областей. Основной массив данных документов выявлен в Российском государственном историческом архиве и впервые вводится в научный оборот, среди них межведомственная переписка, протоколы межведомственных совещаний, постановления, отражающие дискуссию правительства о месте традиционной экономики казахов Степного края в модернизационных планах. Ценная информация, представляющая позицию государственной власти по данному спектру вопросов, также представлена в Записке председателя Совета министров и главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 г. (Записка Председателя Совета, 2011).

В статье применялись конкретно-исторические методы исследования. Историко-генетический метод позволил выявить факторы формирования политики государства в отношении традиционного казахского хозяйства. Историко-системный метод использовался для анализа трансформаций этноэкономики казахов в контексте общеимперских тенденций, связанных с многоформатной модернизацией российского общества второй половины XIX – начала XX вв.

3. Обсуждение

Вопросы трансформации традиционной экономики казахов Степного края в условия экономических реформ Российской империи второй половины XIX – начала XX в. достаточно широко представлены в историографии. При этом в основном массиве исследований данная проблематика анализируется в контексте аграрной политики Российской империи в регионе, связанной с массовым крестьянским переселением 80-х гг. XIX – первым десятилетием XX в. В поле внимания исследователей – формирование нормативно-правовой базы переселенческой политики, ее этапы, политика правительства в отношении земель, занимаемых казахами-кочевниками, динамика поземельных отношений в степи (Аполлова, 1960; Владимирский, 1902; Галузо, 1965; Зиманов, Евреинов, 1955; Кауфман, 1896; Кожженов, 1994; Сафаров, 1921; Сулейменов, 1963).

Собственно вопросы развития экономики казахского кочевого аула в пореформенный период, влияния переселенческого движения на эволюцию форм землепользования и землевладения казахского населения активно разрабатывались в дореволюционной российской историографии (Добромыслов, 1895; Седелников, 1907; Щербина, 1905). Большинство ее представителей акцентировали внимание на культуртрегерской роли русского переселенца, научившего казахов

пахать, сеять, косить, молотить и даже потреблять хлеб. В советский период наиболее ценной работой можно считать монографию В.Ф. Шахматова, в которой на обширном фактическом материале был показан процесс эволюции казахской пастбищно-кочевой общины под влиянием крестьянских переселенческих хозяйств. Особое внимание автор уделяет причинам упадка степного скотоводства, где в качестве определяющих называются изменившиеся условия казахского быта, связанные с изъятием земель для переселенческих поселков (Шахматов, 1964).

В современной исторической науке вопросы трансформации традиционной этноэкономики казахов-скотоводов представлены в исследованиях А.В. Ремнева, Д.В. Кузнецова, А.А. Кузьмина, М.К. Чуркина и др. (Центральная Азия в составе..., 2008; Кузнецов, 2017; Кузьмин, 2005; Чуркин, 2006). Переселенческая политика государства рассматривается учеными как геополитическая задача, направленная на укрепление «славянским православным элементом» центральноазиатских окраин, являющихся важным трансграничным регионом. Современные казахстанские исследователи характеризуют переселенческую политику Российской империи как колониальную (Артыкбаев, 1993). Существенным дополнением данной проблематики может стать анализ материалов межведомственных дискуссий и совещаний, позволяющих проследить эволюцию взглядов правящей элиты Российской империи на судьбу традиционной экономики казахского общества.

4. Результаты

Как известно, в 80-е гг. XIX в. правительство приняло ряд законодательных актов в сфере крестьянского переселения¹, что значительно увеличило поток внутренней миграции в Сибирь и Степной край. Дополнительным импульсом массового переселения крестьян выступило образование в 1892 г. Комитета Сибирской железной дороги, в обязанности которого входило содействие заселению прилегающей к строящейся железнодорожной магистрали территории.

Эти события актуализировали вопрос о планомерном заселении казахских степей, выявлении земель для землеустройства переселенцев и, соответственно, дальнейших перспективах казахского кочевого хозяйства, нормах его землепользования. Весь спектр данных вопросов обсуждался на состоявшемся в декабре 1896 г. заседании Комитета Сибирской железной дороги. По его мнению, главным источником пополнения Переселенческого земельного фонда должны были стать пастбищные угодья кочевников. В связи с этим вновь была высказана идея о необходимости ускорения перехода казахов «к оседлому состоянию». В протоколе заседания подчеркивалось, что оседание «принесет немалую пользу делу колонизации Степного края, освободив много земель для переселенцев и подняв производительность этой окраины». Немаловажным аргументом в пользу ускоренного оседания скотоводов выступало представление о нерациональности использования ими огромных степных пространств, низкой рентабельности и экстенсивности хозяйств. По итогам заседания Комитета Сибирской железной дороги было принято решение о разработке «мер, способствующих переходу кочевников-казахов в оседлое состояние». С данным решением Комитет обратился в МВД, оно, в свою очередь, – к военным губернаторам областей Степного края с просьбой представить конкретные предложения по данному вопросу (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 6. Л. 1).

Следует отметить, что в своих заключениях военные губернаторы областей представляли достаточно взвешенную и объективную оценку развития казахских кочевых хозяйств и перспектив их оседания. В частности, губернатор Тургайской области Я.Ф. Барабаш отмечал, что предпринимаемые государством на протяжении XVIII–XIX вв. меры к поощрению оседания не дали какого-либо положительного эффекта. Тургайские казахи продолжали вести кочевой образ жизни, лишь незначительная их часть «засевала хлеба только для их внутренних потребностей» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 6. Л. 8об.-9).

В то же время, по заключению Ф.Я. Барабаша, переселение крестьян на территорию Тургайской области привело к появлению новых форм поземельных отношений у казахов – спрос на землю для распашки, не имевшую до этого денежной ценности, и возможность сдачи данной категории земель в аренду переселенцам. «Получение арендного дохода, – отмечал губернатор, – породило среди казахов соревнование и конкурентность по сдаче земель русским и вообще простимулировало казахов к расширению хлебопашества». Результатом новых тенденций в экономической жизни казахской пастбищной общины, связанной с переселением крестьян, также стал рост полукошевых хозяйств, сочетавших как животноводство, так и земледелие. По данным тургайского военного губернатора, из 70134 казахских хозяйств области 7297 (13 %) можно было отнести к разряду полукошевых (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 6. Л. 15).

Таким образом, Я.Ф. Барабаш делал заключение о «естественном процессе оседания казахов», вызванного «экономическими обстоятельствами – крестьянским переселением». Крестьянское переселение он считал «действенным механизмом, способным привести казахов к состоянию

¹ В 1881 г. были утверждены «Временные правила о переселении крестьян на свободные земли», по которым крестьяне получали на месте водворения по 45 дес. земли и другие льготы. В 1889 г. был принят закон «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли», ознаменовавший установление контроля со стороны государства за процессом переселения.

оседлости», и предлагал развивать «русскую колонизацию в степи «с отображением у казахов находящейся в их пользовании земли, удобной для сельского хозяйства». По его прогнозам, казахи, оценив, что «им, как кочевникам, оставляется хоть и достаточное для скотоводческого хозяйства количество земли, но мало пригодной для земледелия, они будут просить о причислении их к оседлым поселениям, чтобы удержать за собой землю, необходимую для будущего изменения их образа жизни» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 6. Л. 21).

В своей служебной записке Я.Ф. Барабаш, пожалуй, впервые в чиновничьей среде высказал идею о невозможности массового перехода казахов на оседлый образ жизни. Из 400830 кв. верст Тургайской области только 1/3 оценивалась им как пригодная для занятия земледелием, административно совпадавшая с Актюбинским и Кустанайским, частично Тургайским и Иргизским уездами. Исходя из этого, военный губернатор всех казахов-кочевников области разделил на три группы. К первой отнес скотоводов, «по условиям населенных ими местностей, не способных перейти к земледелию». Ко второй – казахов, «малоопытных в ведении сельского хозяйства и могущих переходить к земледелию постепенно». К третьей – казахов, готовых к оседанию, но «пока не видящих никаких реальных выгод от этого» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 6. Л. 21об.).

В отношении третьей группы казахов-кочевников Я.Ф. Барабаш выступил сторонником «ускорения процесса оседания» и «перехода к высшей культуре». В служебной записке для достижения данной цели он предложил план мероприятий, который позднее выступил основой государственной политики седентаризации казахов. Первоочередной задачей предлагалось проведение специалистами «естественно-исторического и хозяйственно-экономического обследования» земель Тургайской области для выяснения количества земель, пригодных для занятия земледелием, и количества угодий, необходимых для ведения кочевого хозяйства 1-й и 2-й группами скотоводов. Механизмом стимулирования перехода казахов на оседлый образ жизни предлагалось предоставление им в «общественную полную собственность того количества земли, которое признается необходимым в результате обследования». Военный губернатор также был сторонником сохранения стимулирующих льгот. Он, в частности, предлагал выдавать казахам долгосрочные ссуды на домообзаведение (не менее 300 руб.), причислять их в сословие оседлых инородцев с предоставлением права сохранять существующий размер кибиточной подати. К числу «вспомогательных мер» Я.Ф. Барабаш относил распространение русского образования путем увеличения численности русских школ, открытия сельскохозяйственных школ, образцовых ферм, введения должности областного агронома и агрономического смотрителя (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 6. Л. 22 об.-24об.).

Губернатор Уральской области К.К. Максимович на запрос МВД представил служебную записку в октябре 1897 г. Ее анализ позволяет утверждать, что ситуация, связанная с оседанием казахов и формами их землепользования, была аналогична той, которая сложилась в соседней Тургайской области. По представлению губернатора, земельные ресурсы области, пригодные для занятия земледелием, были крайне ограничены. «На всем громадном пространстве области земледелием можно было заниматься только в северной ее части – в Уральском уезде». Таким образом, переход на оседлость был возможен только для казахов, кочующих в пределах данного уезда (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 6. Л. 26).

Темпы оседания кочевников в границах данной административно-территориальной единицы, по оценке губернатора, оставались крайне низкими. Льготами, которые представляло государство казахам при переходе на оседлость, фактически никто не пользовался. Совершенно не распространено было право наследственного владения каким-либо определенным участком для земледелия, гарантированного Временным положением об управлении регионом 1868 г. Причиной выступало то, что «при слабо развитом еще земледельческом промысле и зависящем от этого избытке земельных угодий, распашка земли под посевы хлеба, где она возможна, производилась каждым кибитковладельцем совершенно свободно, на любом летовочном месте, не стесняясь границами аула, и без всякого ограничения в количестве десятин». Земельных споров из-за пахотных мест у казахского населения Уральской области не наблюдалось, не было зафиксировано «случаев отвода в постоянное пользование кому-либо земельных участков для хлебопашества». Исключение составляли сенокосные участки, которые «приобрели особую ценность в глазах кочевников. Они были разделены поаульно, а в аулах, по приговорам общества, между кибитовладельцами, которые устраивали на них свои зимовки, передаваемые вместе с сенокосными участками по наследству (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 6. Л. 26об.).

Исходя из сложившейся ситуации, губернатор Уральской области К.К. Максимович предлагал план мероприятий, направленный на стимулирование процесса оседания казахов, во многом схожий с программой Я.Ф. Барабаша. Прежде всего он предлагал провести учет всей земли Уральской области, пригодной для земледелия, затем определить «нужды кочевников, окончательно устроив их в земельном отношении». Переселение крестьян, по его мнению, способно выступить мощным побудительным мотивом к седентаризации. «Размежевание земель, с выделом излишек, если таковые окажутся, для русских поселенцев, – считал он, – станет для киргиз, без всякого сомнения, поощрительной мерой. Под опасением лишиться лучших земель они не замедлят перейти к

земледельческому хозяйству, где оно возможно – образовать особые поселения» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 6. Л. 25).

Позиция генерал-губернатора Степного края М.А. Таубе по вопросу о месте этноэкономики казахов региона в модернизационных процессах оказалась во многом схожей с позициями губернаторов Уральской и Тургайской областей. На основании мнений военных губернаторов Акмолинской и Семипалатинской областей он в ответе на запрос Комитета Сибирской железной дороги в 1897 г. отмечал, что «не столько поощрительные, сколько принудительные меры могут содействовать переходу казахов к оседлости и в направлении последних именно действует постепенное стеснение пределов киргизского кочевания вследствие прироста населения и образования среди казахского населения крестьянских поселков» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 6. Л. 28об.). При этом М.А. Таубе подчеркивал, что в процессе оседания казахов осуществлять их землеустройство необходимо на их же земельных участках, при условии наименьшего стеснения кочующих казахов и по «правилам, установленным для крестьянских селений как относительно нормы надела, так и относительно управления и выдачи ссуд и пособий» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 6. Л. 76 об.-77).

Полученные заключения органов регионального управления степными областями послужили поводом к ускорению процесса обследования казахских кочевых хозяйств. По ходатайству Комитета Сибирской железной дороги министру земледелия и государственных имуществ в 1897 г. в регион было направлено дополнительно к экспедиции Ф.А. Щербины 6 партий «для проведения естественно-исторического и хозяйственно-статистического обследования Акмолинской и Семипалатинской областей» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 6. Л. 76 об.-77).

Итогом работы экспедиции Ф.А. Щербины стало выявление «излишков» земли у кочевников и массовое их изъятие в Переселенческий фонд. Экспедиция также вычислила необходимую для кочевых хозяйств площадь пастбищных угодий, в основе которой была выбрана норма, необходимая для содержания 24 единиц скота. Исходя из разнообразия почвенно-пастбищных характеристик были рассчитаны дифференцированные земельные нормы для степных уездов. Так, в Петропавловском уезде на одно кочевое хозяйство приходилось от 191 до 510 дес. земли, в Кокчетавском – от 209 до 444 дес. земли, Павлодарском – от 30 до 360 дес. земли и т.д. (Лысенко и др., 2014: 136).

Результат работы землеотводных экспедиций центральные и региональные органы государственной власти оценивали неоднозначно. Чиновники Переселенческого управления и Главного управления землеустройства и земледелия считали определенные экспедицией нормы завышенными. Напротив, степной генерал-губернатор и военные губернаторы областей, учитывая ограниченность земель, пригодных для земледелия, и невозможность в связи с этим массового перехода кочевников к оседлости, считали, что нормы землепользования казахов-кочевников, определенные экспедицией Ф.А. Щербины, недостаточны для ведения хозяйства. Генерал-губернатор Степного края Н.Н. Сухотин в письме министру внутренних дел в 1904 г. отмечал, что «самым главным поводом к обнаружению у казахов стремления к оседлости служат, конечно, не стремление к более культурной жизни и усовершенствованному, устойчивому хозяйству, а изменение к худшему экономических условий для привольного кочевания в степи, все более наполняемой оседлым населением. Короче сказать – как русский крестьянин идет на окраины от скученности и безземелья, так и степной казах стремится упрочить за собой землепользование оседлостью ввиду все более и более сокращающегося простора степей для его кочевых бродяжеств» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 6. Л. 109). Он подчеркивал, что «в киргизских волостях отошли под переселенческие участки лучшие земли, с хорошей почвой, угодьями, водой, и на долю кочевников остались по преимуществу урочища с маловыгодными природными условиями» (РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 11216. Л. 36об.).

Военный губернатор Семипалатинской области А.С. Галкин был убежден, что скотоводство будет еще долгие годы играть первостепенную роль в экономической жизни не только самих казахов, но и всей области. Он подчеркивал, что солончаки и пески, составляющие громадную часть территории степных областей, возможно использовать только при кочевом образе жизни, который вели казахи, и при том «с сохранением установившегося по обычаю права пользования летовками в способной для земледельческой культуры части степных областей. Только при таком раскладе огромные пространства, непригодные для земледелия, могут приносить обитателям степей благосостояние; и в интересах государства гораздо выгоднее поступиться для скотоводства сравнительно небольшой площадью так называемых летовок, тем самым сохранив для нужд скотоводства непригодные для других отраслей сельскохозяйственные земли, чем, обращая всех кочевников к оседлости, для чего пришлось бы поселить их на удобных землях» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 6. Л. 125об.).

Динамика пореформенного развития области, по мнению семипалатинского военного губернатора, показывала, что аграрный/животноводческий сектор экономики области будет оставаться ведущим еще долгие годы, главными предметами меновой торговли будут являться скот и продукты скотоводства. Они же выступали почти единственным предметом местной обрабатывающей промышленности. Несомненно, по заключению А.С. Галкина, что «очень большое

число казахов останется кочевниками и, как таковые, они будут полезны для государства в качестве скотоводов и исправных плательщиков государственных податей за право пользования, главным образом, неудобными для сельского хозяйства землями» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 6. Л. 126).

Позицию семипалатинского военного губернатора поддерживал генерал-губернатор Акмолинской области И.Н. Санников. Для «целесообразного развития сил и средств края» чиновник считал более рациональным отказаться от массового оседания кочевников, «не подвергать ломке существующий строй казахской жизни», «для обеспечения благосостояния кочевников направить скотоводческое хозяйство их к более интенсивному использованию степи, более целесообразным приемам животноводства». Таким образом, И.Н. Санников высказывался за развитие животноводческой отрасли в области, спрос на продукцию которой постоянно возрастал, и это выступало преобладающим фактором в экономической жизни казахского населения. По его мнению, для интенсификации животноводческой отрасли необходимо было как можно скорее решить вопрос о поземельном устройстве казахов-скотоводов (РГИА. Ф. 733. Оп. 172. Д. 246. Л. 276об.).

Противником массового перевода казахов на оседлость и занятия их земледелием был и тургайский военный губернатор А.А. Ломачевский. В начале 1901 г. по его инициативе казахи области составили «Записку киргизского народа по поводу отвода занимаемых им земель под устройство поселков для переселенцев», которую военный губернатор лично доставил в МВД. В Записке было изложено коллективное обращение кочевников с просьбой определить, «признает ли государство дальнейшее пребывание киргизского населения в его теперешнем кочевом состоянии удобным для высших государственно-экономических целей».

История имела большой общественный резонанс и вызвала новую волну обсуждений в правительственных кругах о судьбе казахского кочевого хозяйства. Дискуссия разворачивалась на фоне создания в урочище Истоа-Уткуль Актюбинского уезда Тургайской области заводских степных конюшен. Государственные интересы требовали предоставления казахам достаточного количества сенокосных угодий для коневодческих хозяйств. В результате был разработан циркуляр от 5 марта 1901 г., согласно которому землеотводным партиям предписывалось к установленным экспедицией Ф.А. Щербины нормам пастбищного пользования того или иного уезда степных областей добавлять еще 25 %. Кроме этого, правительством было рекомендовано временно приостановить работу землеотводных партий в Кокчетавском и Омском уездах Акмолинской области (Лысенко и др., 2014: 139).

Позиция региональной администрации и принятый циркуляр противоречили государственными интересам, связанным с активизацией переселенческого движения в Степной край. Возникшие межведомственные противоречия, а также общественный резонанс вопроса об излишках казахского землепользования и воздействия изъятий земли на кочевое хозяйство стали причиной повторного исследования региона. С 1904 по 1912 гг. статистические партии обследовали 17 уездов Степного края, в том числе 10 повторно. В результате были определены земельные излишки в размере 59010 тыс. дес. земли, из них изъято в колонизационный фонд 13080 тыс. дес., оставалось не изъятыми 45930 тыс. дес., представлявших в основном «сухие среднеазиатские степи, по которым ... лишь бродили кочевники со своими стадами» (РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 1548. Л. 30б.).

В феврале–марте 1905 г. в Департаменте государственных и земельных имуществ состоялось совещание с участием членов землеотводных партий, работавших в регионе, и представителей Переселенческого управления МВД. На нем рассматривался вопрос о необходимости изменения норм казахского пользования пастбищными угодьями, установленных Инструкцией 1901 г., и порядке изъятия излишков земель у кочевников. Несколько месяцев спустя, в мае 1905 г., МВД запросило мнение министра земледелия и государственных имуществ П.Х. Шванебаха по вопросу о колонизационной емкости Степного края. Министр подтвердил, что «в степных областях количество свободных земель, которые могли бы быть обращены под заселение без ущерба для киргизов, весьма значительно». Однако возможность использования излишков в уездах, пригодных для занятия земледелием, требовала, по его мнению, немедленного утверждения предложенный составившегося в феврале–марте 1905 г. Совещания. Положительный исход дела позволил бы продолжить землеотводные работы в Кокчетавском, Омском уездах, в северной части Кустанайского уезда – «местностях, имеющих в колонизационном отношении особенную ценность, и образовать здесь еще некоторое количество переселенческих участков» (РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 1548. Л. 2-7).

Наконец в марте–ноябре 1907 г. состоялась череда межправительственных совещаний, по итогам которых были определены подходы к проблеме землепользования кочевых хозяйств в условиях набирающей темпы крестьянской миграции. Совещание сочло невозможным закрепить за кочующими казахами земельные права на их пастбищные угодья. В журнале Совещания отмечалось, что «закрепить определенные земельные площади возможно только за оседлым населением, которое само крепко сидит на земле и пользуется прилегающими к местам его оседлости землями в твердо установившихся и постоянных границах» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 468. Л. 199-275). По мнению участников Совещания, препятствие к поземельному устройству казахов заключается не в правительстве, а в их кочевом быте. Пока казахи продолжали вести кочевой образ жизни, задача правительства виделась не их в поземельном устройстве, а лишь в сохранении за ними количества земли, необходимой для обеспечения их существующего быта.

Летом 1909 г. Совет министров утвердил Инструкцию, предусматривавшую механизм формирования государственного земельного фонда из земель-излишков, изъятых у казахов-скотоводов и устанавливавшую основания их перевода на оседлость с предоставлением земельных наделов. Осевшие казахи получали земельный надел по нормам, на одинаковых основаниях с русскими переселенцами. Норма составляла не более 15 дес. земли на одну муж. душу, земельный надел передавался осевшим в бессрочное пользование с выплатой за него оброчной подати (РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 54. Л. 90б.).

Курс на дальнейшую седентаризацию казахов-скотоводов был подтвержден в 1910 г., когда состоялась инспекторская поездка председателя Совета министров Российской империи П.А. Столыпина и главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина в Сибирь и Поволжье. Посетив Акмолинскую область, территорию наибольшей концентрации переселенцев, политики пришли к заключению, что переселение «теснило кочевников, но не обездоливало», повышало их материальное и экономическое благосостояние. Это выражалось прежде всего в том, что земля у казахов окончательно приобрела рыночную стоимость, с чем была связана повсеместная практика сдачи ее в аренду. В начале XX в. фиксировался неизменный рост аренды с 25–30 коп. за дес. до 1 рубля. К числу благоприятных последствий оседания кочевников стали уменьшение численности бедных хозяйств, увеличение численности у казахов запашек, массовая покупка казахами уборочных сельскохозяйственных машин, сенокосилок и т.д. (Записка Председателя Совета..., 2011: 69-70). В результате политики седентаризации к началу XX в. более половины казахского населения постоянно занималось земледелием, а для более трети его – оно стало основным способом ведения хозяйственной деятельности. Почти 90 % казахского населения имело стационарные жилища или хозяйственные постройки, эксплуатация которых занимала от четверти до года ежегодно. Общим для всех степных областей и явным признаком роста благосостояния казахов, по мнению П.А. Столыпина, являлся процент ежегодного прироста казахского населения – 2,3 %, тогда как по всей империи он был ниже – 2 %. Уменьшалась в степи и детская смертность (Записка Председателя Совета..., 2011: 69-70).

Аналогичным образом оценивалась ситуация в казахских кочевых хозяйствах. Несмотря на массовую экспроприацию земель у скотоводов, наблюдался экономический рост их хозяйств. По данным, приведенным в Записке председателя Совета министров и главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье, казахам-кочевникам была предоставлена земля по «самым заниженным и нигде еще не применявшимся нормам, выработанным в 1909 г. В Петропавловском уезде норма составила от 74 до 323 дес. на кибитку, в Акмолинском – от 85 до 286 дес. на кибитку, в Кокчетавском – от 72 до 328 дес., в Атбасарском – от 55 до 358 дес., в Омском – от 77 до 204 дес. Однако «такие объемы землепользования, – отмечалось в Записке, – не были характерны даже для помещиков средней руки в черноземных губерниях России» (Записка Председателя Совета..., 2011: 69). Признаком благополучия кочевых хозяйств выступал рост численности поголовья скота, например, в Петропавловском уезде более чем вдвое, в Омском и Кокчетавском уездах – в полтора раза (Записка Председателя Совета..., 2011: 69).

Планируемые в будущем изъятия земель у казахов-кочевников исключали юридическое закрепление за ними занимаемых пастбищных угодий. Поэтому в Записке была четко зафиксирована идея дальнейшего следования курсу седентаризации казахов. Только те из них, кто переходил к оседлому земледелию, могли и должны были быть устроены. В отношении кочевых хозяйств, «не обнаруживших пока достаточного улучшения и развития» (т.е. тенденций к оседанию), рекомендовалось «продолжать политику изъятия земельных излишков», оставляя кочевникам «часть земель по возможно пониженным нормам» (Записка Председателя Совета..., 2011: 69).

5. Заключение

Буржуазные преобразования в Российской империи в 60–80-е гг. XIX в., сопровождавшиеся отменой крепостного права и массовым переселением крестьянства в Степной край, поставили на повестку дня вопрос о судьбе традиционного кочевого хозяйства казахов. Планируемые государством аграрные преобразования в регионе, связанные с созданием товарных земледельческих хозяйств, требовали значительных земельных ресурсов. Поэтому основным механизмом оптимизации кочевых хозяйств и их интеграции в общероссийскую экономическую систему виделось массовое оседание кочевников. При этом переход их к земледелию и интенсивным формам ведения скотоводческого хозяйства (с заготовкой кормов на зиму) рассматривался как закономерный и прогрессивный процесс.

В ходе многочисленных межведомственных дискуссий рубежа XIX–XX вв. утвердилось мнение, что государство должно отказаться от материального стимулирования данного процесса посредством введения дополнительных льгот и выплат. По мнению центральных и региональных органов власти, оседание казахов-кочевников должно было осуществляться естественным путем, под воздействием новых объективных экономических условий, вызванных массовым переселением крестьян и изъятием у казахов пастбищных угодий для землеустройства переселенцев. Таким образом, признавалась целесообразность увеличения миграционных потоков крестьян в Степной край.

Региональные чиновники в целом, признавая закономерность перехода казахов на оседлый образ жизни, призывали отказаться от массового распространения среди них земледелия. Главным аргументом в данном случае выступал факт отсутствия в Степном крае значительного количества земельных ресурсов, пригодных для ведения земледельческого хозяйства. Поэтому седентаризацию чиновники связывали с интенсификацией животноводческой отрасли, которая, по их мнению, позволяла создавать перерабатывающую промышленность в регионе и становилась определяющей в его экономической структуре. По причине ограниченности земельных угодий, пригодных для земледелия, региональные власти высказывались против массового оседания кочевников. Массовая экспроприация пастбищ в Переселенческий фонд, по их оценкам, выступала дестабилизирующим фактором социальной жизни Степного края. Поэтому они предлагали синхронизировать процесс изъятия земель с процессом землеустройства кочевников.

Массовое оседание казахов в начале XX вв., переориентация их хозяйств на рынок с применением различных сельскохозяйственных орудий труда, рост экономического благосостояния давали правительству основания считать, что избранный курс в их отношении оказался правильным. На основании этого делался вывод об успешности модернизации традиционной экономики казахов и достижении задачи их интеграции в общероссийскую экономическую систему.

Литература

- Артыкбаев, 1993** – *Артыкбаев Ж.О.* Казахское общество в XIX веке: традиции и инновации. Алматы, 1993. 328 с.
- Аполлова, 1960** – *Аполлова Н.Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX века. М., 1960. 456 с.
- Быков, 2003** – *Быков А.Ю.* Истоки модернизации Казахстана (проблема седентаризации в российской политике XVIII – начала XX в.). Барнаул, 2003. 267 с.
- Владимирский, 1902** – *Владимирский В.А.* К вопросу о переходе киргиз в оседлое состояние // Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества за 1901 год. Омск, 1902. 27 с.
- Галузо, 1965** – *Галузо П.П.* Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг. Алма-Ата, 1965. 344 с.
- Добромыслов, 1895** – *Добромыслов А.И.* Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895. 360 с.
- Записка Председателя Совета..., 2011** – Записка Председателя Совета министров и Главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 г. Барнаул, 2011. 140 с.
- Зиманов, Евреинов, 1955** – *Зиманов С., Евреинов А.* О характере феодальной собственности на землю в Казахстане // *Труды Алма-Атинского юридического института*. Т. 1. Алма-Ата, 1955. С. 47-56.
- Кауфман, 1896** – *Кауфман А.А.* Отчет старшего производителя работ Кауфмана А.А. по командировке в Тургайскую область для выяснения вопроса о возможностях ее колонизации. СПб., 1896. 26 с.
- Кожкенов, 1994** – *Кожкенов С.А.* Некоторые аспекты процесса колонизации и проникновения капитализма в Казахстан в исторической литературе 20–30-х годов XX в. // *Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение*. Алматы, 1994. С. 40-48.
- Кузнецов, 2017** – *Кузнецов Д.В.* Колонизационная и землеустроительная политика самодержавия в Степном крае в конце XIX – начале XX в. // *Вестник Омского государственного аграрного университета*. 2017. 1 (25). С. 149-158.
- Кузьмин, 2005** – *Кузьмин А.А.* Институциональный анализ переселенческого освоения новых территорий (на примере земледельческого освоения Сибири): Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. Омск, 2005. 26 с.
- Лысенко и др., 2014** – *Лысенко Ю.А., Анисимова И.В., Тарасова Е.В.* и др. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Барнаул, 2014. 271 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Сафаров, 1921** – *Сафаров Г.* Колониальная революция (Опыт Туркестана). М., 1921. 148 с.
- Седельников, 1907** – *Седельников Т.И.* Борьба за землю в киргизской степи (киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства). СПб., 1907. 79 с.
- Сулейменов, 1963** – *Сулейменов Б.* Аграрный вопрос в Казахстане в последней трети XIX – начале XX века. Алма-Ата: Наука, 1963. 410 с.
- Центральная Азия в составе..., 2008** – *Центральная Азия в составе Российской империи*. М., 2008. 464 с.
- Чуркин, 2007** – *Чуркин М.К.* Переселения крестьян черноземного центра в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной активности и адаптации: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Омск, 2007. 41 с.
- Шахматов, 1964** – *Шахматов В.Ф.* Казахская пастбищно-кочевая община. Алма-Ата, 1964. 207 с.

Щербина, 1905 – Щербина Ф.А. Киргизская народность в местах крестьянских переселений. СПб., 1905. 48 с.

References

- Apollova, 1960** – *Apollova, N.G.* (1960). Ekonomicheskie i politicheskie svyazi Kazahstana s Rossiej v XVIII – nachale XIX veka [Economic and political relations of Kazakhstan with Russia in the XVIII – early XIX century]. M., p. 456. [in Russian]
- Artykbaev, 1993** – *Artykbaev, Zh.O.* (1993). Kazahskoe obshchestvo v XIX veke: tradicii i innovacii [Kazakh society in the XIX century: traditions and innovations]. Almaty. P. 328. [in Russian]
- Bykov, 2003** – *Bykov, A.Yu.* (2003). Istoki modernizacii Kazahstana (problema sedentarizacii v rossijskoj politike XVIII – nachala XX v.) [The Origins of Kazakhstan's Modernization (the problem of sedentarization in Russian politics of the XVIII – early XX centuries)]. Barnaul, p. 267. [in Russian]
- Central'naya Aziya v sostave..., 2008** – Central'naya Aziya v sostave Rossijskoj imperii [Central Asia as part of the Russian Empire]. M., 2008, p. 464. [in Russian]
- Churkin, 2007** – *Churkin, M.K.* (2007). Pereseleniya krest'yan chernozyomnogo centra v Zapadnuyu Sibir' vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.: determiniruyushchie faktory migracionnoj aktivnosti i adaptacii [Resettlement of peasants of the Chernozem center to Western Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries: determining factors of migration activity and adaptation]. Avtoref. dis. ...d. i. n. Omsk, p. 41. [in Russian]
- Dobromyslov, 1895** – *Dobromyslov, A.I.* (1895). Skotovodstvo v Turgajskoj oblasti [Cattle breeding in the Turgay region]. Orenburg, p. 360. [in Russian]
- Galuzo, 1965** – *Galuzo, P.P.* (1965). Agrarnye otnosheniya na yuge Kazahstana v 1867–1914 gg. [Agrarian relations in the South of Kazakhstan in 1867–1914]. Alma-Ata, p. 344. [in Russian]
- Kaufman, 1896** – *Kaufman, A.A.* (1896). Otchet starshego proizvoditelya rabot Kaufmana A.A. po komandirovke v Turgajskuyu oblast' dlya vyasneniya voprosa o vozmozhnostyah ee kolonizacii [The report of the senior producer of the works of A. A. Kaufman on a business trip to the Turgay region to clarify the question of the possibilities of its colonization]. SPb., p. 26. [in Russian]
- Kozhkenov, 1994** – *Kozhkenov, S.A.* (1994). Nekotorye aspekty processa kolonizacii i proniknoveniya kapitalizma v Kazahstan v istoricheskoy literature 20–30-h godov. [Some aspects of the process of colonization and the penetration of capitalism in Kazakhstan in the historical literature of the 20–30 s. XX v.]. Kazahstan v nachale XX veka: metodologiya, istoriografiya, istochnikovedenie. Almaty, pp. 40–48. [in Russian]
- Kuz'min, 2005** – *Kuz'min, A.A.* (2005). Institucional'nyj analiz pereselencheskogo osvoeniya novyh territorij (na primere zemledel'cheskogo osvoeniya Sibiri) [Institutional analysis of the resettlement development of new territories (on the example of the agricultural development of Siberia)]. Avtoref. dis. ... k. e. n.. Omsk, p. 26. [in Russian]
- Kuznecov, 2017** – *Kuznecov, D.V.* (2017). Kolonizacionnaya i zemleustroitel'naya politika samodержaviya v Stepnom krae v konce XIX – nachale XX v. [Colonization and land management policy of the autocracy in the Steppe Region in the late XIX – early XX centuries]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. 1(25): 149–158. [in Russian]
- Lysenko et al., 2014** – *Lysenko, Yu.A., Anisimova, I.V., Tarasova, E.V. i dr.* (2014). Tradicionnoe kazahskoe obshchestvo v nacional'noj politike Rossijskoj imperii: konceptual'nye osnovy i mekhanizmy realizacii (XIX – nachalo XX v) [Traditional Kazakh society in the National Policy of the Russian Empire: Conceptual foundations and mechanisms of implementation (XIX – early XX centuries)]. Barnaul, p. 271. [in Russian]
- RGIA** – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian state historical archive]. [in Russian]
- Safarov, 1921** – *Safarov, G.* (1921). Kolonial'naya revolyuciya (Opyt Turkestana) [The Colonial Revolution (The Experience of Turkestan)]. M., p. 148. [in Russian]
- Sedel'nikov, 1907** – *Sedel'nikov, T.I.* (1907). Bor'ba za zemlyu v kirgizskoj stepi (kirgizskij zemel'nyj vopros i kolonizacionnaya politika pravitel'stva) [The struggle for land in the Kyrgyz steppe (the Kyrgyz land question and the colonization policy of the government)]. SPb., p. 79. [in Russian]
- Shahmatov, 1964** – *Shahmatov, V.F.* (1964). Kazahskaya pastbishchno-kochevaya obshchina [Kazakh pastoral and nomadic community]. Alma-Ata, p. 207. [in Russian]
- Shcherbina, 1905** – *Shcherbina, F.A.* (1905). Kirgizskaya narodnost' v mestah krest'yanskih pereselenij [Kyrgyz people in the places of peasant resettlement]. SPb., 48 p. [in Russian]
- Sulejmenov, 1963** – *Sulejmenov, B.* (1963). Agrarnyj vopros v Kazahstane v poslednej treti XIX – nachale XX veka [The agrarian question in Kazakhstan in the last third of the XIX – early XX century]. Alma-Ata: Nauka, p. 410. [in Russian]
- Vladimirskij, 1902** – *Vladimirskij, V.A.* (1902). K voprosu o perekhode kirgiz v osedloe sostoyanie [To the issue of the transition of the Kyrgyz to a settled state]. *Zapiski Sibirskogo otdela Imperatorskogo ruskogo geograficheskogo obshchestva za 1901 god*. Omsk, p. 27. [in Russian]
- Zapiska Predsedatelya Soveta..., 2011** – Zapiska Predsedatelya Soveta ministrov i Glavnoupravlyayushchego zemleustrojstvom i zemledeliem o poezdke v Sibir' i Povolzh'e v 1910 g. [Note by

the Chairman of the Council of Ministers and the General Manager of Land Management and Agriculture on a trip to Siberia and the Volga region in 1910]. Barnaul, 2011, p. 140. [in Russian]

Zimanov, Evreinov, 1955 – Zimanov, S., Evreinov, A.O. (1955). O haraktere feodal'noj sobstvennosti na zemlyu v Kazahstane [On the nature of feudal land ownership in Kazakhstan]. *Trudy Alma-Atinskogo yuridicheskogo instituta*. T. 1. Alma-Ata, pp. 47-56. [in Russian]

Этноэкономика казахов Степного края в модернизационных планах Российской империи (вторая половина XVIII – начало XX вв.)

Юлия Александровна Лысенко ^{a, b, c, *}

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

^b Черкас глобальный университет (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований), Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе делопроизводственной документации анализируется политика Российской империи в отношении традиционной экономики казахов Степного края в 80-е гг. XIX – начале XX вв. Отмечается, что буржуазные преобразования, сопровождавшиеся массовым переселением крестьянства в Степной край и созданием товарных земледельческих хозяйств, требовали значительных земельных ресурсов. Поэтому основным механизмом трансформации казахских кочевых хозяйств виделось их массовое оседание. Переход кочевников к земледелию рассматривался как закономерный и прогрессивный процесс. В ходе многочисленных межведомственных дискуссий рубежа XIX–XX вв. утвердилось мнение, что оседание должно было осуществляться естественным путем под воздействием новых объективных экономических условий, вызванных массовой миграцией крестьян и изъятием у казахов пастбищных угодий для землеустройства переселенцев. Таким образом, признавалась целесообразность увеличения масштабов переселенческих потоков в Степной край.

Региональная администрация в целом, признавая закономерность перехода казахов на оседлый образ жизни, призывала отказаться от массового оседания кочевников и массового распространения среди уже осевших земледелия, главным образом, по причине ограниченности земельных ресурсов, пригодных для ведения земледельческого хозяйства. Поэтому седентаризацию региональные чиновники связывали с интенсификацией животноводческой отрасли и развитием в крае промышленности по переработке продукции животноводства. Массовое оседание казахов в начале XX вв., переориентация их хозяйств на рынок с применением различных сельскохозяйственных орудий труда давали основания считать, что избранный курс на седентаризацию оказался верным.

Ключевые слова: Российская империя, Степной край, казахи, этноэкономика, оседание, модернизация.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iulia_199674@mail.ru (Ю.А. Лысенко)